

ПРОТОДІАКОНЪ ВСЕЯ РОССІИ.

(Семейное преданіе въ разсказѣ моей покойной матушки).

I.

ВЪ ПОЛОВИНѢ тридцатыхъ годовъ прошлаго XIX в., въ одинъ изъ знойныхъ іюльскихъ дней шель изъ Владимира по направленію «за Клязьму» босикомъ, съ котомкой за плечами и палкою въ рукахъ, въ изношенномъ нанковомъ халатѣ молодой человѣкъ, или, вѣрнѣе, юноша, въ которомъ, по его костюму, стриженнымъ волосамъ и вообще по внѣшнему виду, всякій попадающійся ему навстрѣчу признавалъ «кутейника».

Это и былъ, дѣйствительно, «кутейникъ».

Кончились экзамены въ семинаріи и духовномъ училищѣ,— и всѣ духовные юноши и дѣти, партіями и по одиночкѣ, но обязательно пѣшкомъ, кто съ радостью благополучнаго перехода въ слѣдующіе классы, а кто и съ горемъ оставленія на повторительные два года въ томъ же классѣ, а иные и съ вящимъ горемъ окончательнаго увольненія изъ школы, разбрелись изъ города по разнымъ стогнамъ и весямъ обширной богоспасаемой Владимирской области.

Героя нашего звали Иванъ Тихомировъ. Онъ шель одинъ не потому, что ему не было товарищей по пути, а онъ нарочно уклонился отъ ихъ сообщества именно вслѣдствіе того, что несъ въ своемъ сердцѣ великое горе...

Не далась ему наука... Восемь лѣтъ проучился онъ въ духовномъ училищѣ, а прошелъ всего лишь два класса, или два отдѣленія,

низшее и среднее, и въ каждомъ отдѣленіи его оставляли для повторенія курса еще на два года. А теперь совсѣмъ исключили, «по великовозрастію и малоуспѣшности»... Онъ былъ сирота, отецъ-дьячокъ и мать давно умерли, и все время пребыванія въ городѣ въ наукѣ онъ состоялъ на иждивеніи своего брата, священника... Какъ онъ теперь къ нему явится, что скажетъ? Будь живы родители, они пожалѣли бы, особенно матушка, пожурли бы, поплакали бы всѣ вмѣстѣ, и ласковое слово нашлось бы у родимыхъ, и горе бы облегчилось... А вѣдь тутъ братъ... Положимъ, брата своего за всѣ годы учебы онъ никогда не радовалъ уснѣхами, — и было ничего: прикрикнетъ, бывало, братецъ, побранить, сдѣласть наставленія, и только; никогда не билъ и не попрекалъ. Но вѣдь тогда все-таки впереди оставалась цѣль: плохо, плохо учился, а все же въ половинѣ сентября опять побѣзжай въ бурсу, все-таки надѣялись, что будетъ прокъ. А сейчасъ—конецъ, учиться больше не ноѣдешь... Какъ будетъ жить, гдѣ жить и какъ теперь отнесется къ нему братецъ?.. Не выгналъ бы...

Такія грустныя думы стѣснились въ головѣ Ивана Тихомирова и тяжелымъ камнемъ давили его сердце.

Такъ называемымъ касимовскимъ трактомъ онъ прошелъ уже десять верстъ, поднялся на Поклонную гору, откуда градъ Владимиръ виднѣлся, какъ на ладони, обернулся назадъ и, увидавъ блиставшія въ яркихъ лучахъ солнца золотыя главы Успенскаго собора, горько заплакалъ. Затѣмъ перекрестился и по старинному обычаю заклзьяменскихъ жителей (пынѣ, къ сожалѣнію, исчезающему) съ Поклонной горы онъ три раза земно поклонился городу Владимиру и, какъ бы нѣсколько облегчивъ свое горе, несмотря на страшную жару, уже бодрѣе и быстрѣе зашагалъ дальше, къ цѣли своего путешествія—въ село Дубенки, отстоявшее отъ Владимира въ сорока верстахъ.

II.

День уже клонился къ вечеру, и удушливый зной смѣнился пріятной прохладой, когда Иванъ Тихомировъ пришелъ въ свое родное село Дубенки, подъ кровъ своего брата, священника этого села Михаила Александровича Тихомирова.

Дубенки въ то время были небольшимъ, захудалымъ сельцомъ, затерявшимся среди лѣсовъ и дебрей обширнаго Судогодскаго уѣзда. Хотя въ составъ дубенскаго прихода входило и не мало окружныхъ деревень, по приходъ дубенскій считался бѣднымъ приходомъ, такъ какъ крестьяне здѣсь были большею частью крѣпостные, угнетаемые игомъ помѣщичьяго рабства. Поэтому и причту села Дубенокъ, состоявшему изъ четырехъ членовъ: священника, дьякона, дьячка и пономаря, жилось въ Дубенкахъ несладко.

Отецъ Михаилъ Александровичъ Тихомировъ, хотя былъ человѣкъ еще почти молодой, священствовалъ всего какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ, но въ описываемое время былъ уже обремененъ значительнымъ семействомъ, имѣя трехъ сыновей и трехъ дочерей, всѣ малъ-мала меньше. У него жила еще сестра Наталья, старая дѣва. Всѣмъ надо было пить-ѣсть, всѣхъ нужно было одѣть и обуть. Къ тому же приходилось все время тратить, хотя и немного, и на брата Ивана.

Поэтому, не говоря уже о низшихъ членахъ клира, и самъ отецъ Михаилъ внѣ храма Божія и своихъ іерейскихъ обязанностей внѣшнею своею жизнью ничѣмъ почти не отличался отъ простаго мужика. Хотя онъ и держалъ работника, но самъ вмѣстѣ съ нимъ отправлялъ всѣ полевые и другія работы: самъ косилъ, пахалъ, сѣялъ, металъ сѣно, клалъ оденья, ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, словомъ, въ потѣ лица своего сѣдалъ хлѣбъ свой. Соотвѣтственно главѣ семейства и матушка Анна Ивановна, супруга его, не покладала рукъ, исполняя всякую черную работу и въ полѣ, и дома: работницы у нея не было, но, чередуясь съ своей золовкой, она и коровъ доила, и у печки стряпала, и рожь жала, и бѣлье стирала, и овецъ стригла, и гряды копала. Даже и старшая ихъ дѣвочка Паша, которой было не болѣе десяти лѣтъ, стала уже пріучаться бороновать, сѣно косить, а зимою прясть и вязать, хотя главныя ея обязанности состояли въ это время въ томъ, чтобы нянчить въ зыбкѣ качающихся, по полу ползающихъ и ходить начинающихъ ея младшихъ сестеръ и братьевъ. Всѣ трудились, никто не сидѣлъ безъ дѣла.

Главная причина такого, такъ сказать, интенсивнаго отношенія къ труду и работѣ въ семьѣ отца Михаила заключалась, какъ уже сказано, въ насущной нуждѣ; всѣмъ вѣдь нужно было ѣсть-пить, а на одни доходы не проживешь; но отчасти это объяснялось и причиной случайной, именно старымъ, тѣснымъ, худымъ, покосившимся и готовымъ упасть домомъ, въ которомъ жилъ отецъ Михаилъ, который онъ купилъ у своего предшественника и который служить почти уже отказывался. Отцу Михаилу Александровичу хотѣлось поскорѣе скопить «малую толпку» и построить новую хижину, побольше и попросторѣе...

Черно жили. О какомъ-либо обществѣ, развлеченіяхъ и удовольствіяхъ никто и не думалъ. До этого ли было? На это и деньги, во-первыхъ, нужны, а, во-вторыхъ, и некогда было заниматься пустяками. А въ праздничное время, особенно лѣтомъ, лучше отдохнуть, поспать, чѣмъ ѣхать въ гости....

Итакъ, вотъ въ какую обстановку и жизнь вступалъ теперь великовозрастній Иванъ Тихомировъ. Конечно, эта жизнь знакома была ему, ибо прежнія каникулы онъ проводилъ именно въ домѣ брата, но тогда—другое дѣло, тогда онъ былъ мальчишка, да и учился, а теперь ужъ большой... съ него и взыщется больше...

и вообще тяжело ему будетъ жить... если только, конечно, позволять. Но и эта тяжелая жизнь нисколько не пугала его, а, напротивъ, въ его теперешнемъ положеніи представлялась ему чуть не раемъ...

Въ ту минуту, когда онъ переступилъ порогъ братняго дома, здѣсь никого не было, только маленькій Ваненка, его племянникъ, съ подоткнутой рубашонкой валялся на полу, а надъ нимъ носился рой мухъ, привлекаемыхъ запахомъ молочной соски.

Молодой человѣкъ истово помолился предъ иконами, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и потомъ уже поцѣловалъ племянника, а затѣмъ и въѣжавшую Пашу.

Обрадованная приходомъ дяди, Паша заявила ему:

— А тятенька и маменька въ полѣ, снопы складываютъ, и тети тамъ; они скоро придутъ. А я коровъ загоняла.

Дѣйствительно, скоро въ сѣняхъ послышался голосъ отца Михаила, приказывавшаго что-то работнику, а вслѣдъ за тѣмъ и самъ онъ вошелъ въ горницу въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ работалъ въ нолѣ, именно въ длинной бѣлой холщевой рубахѣ, подпоясанной пояскомъ, въ такихъ же порткахъ и въ кожаныхъ сапогахъ, порывавшихъ отъ пыли и постоянного тренія о траву и жнивье. Длинные волосы его слиплись отъ пота, а въ окладистой бородкѣ запутался и торчалъ колосъ.

Онъ ждалъ брата со дня на день, почти увѣренъ былъ и въ его исключеніи, и хоть и непріятно и горько было это ему, но онъ помирился уже съ мыслью о неизбѣжномъ и молчалъ. Онъ былъ человѣкъ твердаго характера и крѣпкой воли, иногда суровъ въ обращеніи съ другими, но былъ въ то же время разсудителенъ, разуменъ и не любилъ бросать слова на вѣтеръ.

— Ну, что, пришелъ?—встрѣтилъ онъ брата Ивана.— Ну, какъ дѣла-то? должно быть, плохи?...

А братъ Иванъ, ожидавшій съ замираніемъ сердца грозы и почувствовавшій вдругъ въ словахъ отца Михаила сердечную нотку едва уловимой жалости къ себѣ, нѣсколько мгновеній молчалъ, а потомъ вдругъ упалъ отцу Михаилу въ ноги и зарыдалъ.

— Братецъ, простите, не гоните меня!—всхлипывалъ онъ:— я вѣкъ буду за васъ Бога молить.... буду вамъ работать.... я все умѣю, и сила у меня есть... Простите меня, братецъ!..

Увидавъ вошедшую матушку Анну Ивановну, онъ, не вставая съ полу, и ей поклонился.

— Сестрица, и вы простите меня!.. и вамъ я буду служить....— а самъ продолжалъ всхлипывать.

Искреннія слезы взрослого почти человѣка, при томъ брата, который въ эту минуту казался такимъ жалкимъ и безпомощнымъ, совѣмъ разжалобили отца Михаила. Къ тому же завопили и дѣтишки, наблюдая всю эту сцену изъ сосѣдней комнаты.

— Ну, ужъ полно, вставай... что тамъ!—сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ: —станемъ жить... проживемъ, Богъ дастъ, какъ-нибудь, авось не лишній будешь, а теперь съ дороги-то, чай, усталъ... Давай-ка, попадья, ужинать...

III.

И началась для Ивана Александровича новая жизнь, жизнь сельская, чуждая всякихъ грамматикъ, арифметикъ, всякой мудрости книжной, чуждая страховъ и трепетаній предъ аудиторами и старшими, инспекторомъ и паставниками, жизнь безъ заушеній, лозы и карцера, но зато жизнь, полная тяжелаго физическаго труда, полная неустанныхъ работъ и заботъ по хозяйству.

Со слѣдующаго же года отецъ Михаилъ и работника не панялъ себѣ, и такимъ образомъ мѣсто работника всецѣло занялъ у него братъ Иванъ. И сдѣлался онъ работникомъ у отца Михаила не только по существу, отиравая всѣ функціи, сопряженныя съ этимъ званіемъ, но, такъ сказать, и въ правовомъ отношеніи, стоя по привилегіямъ ниже прочихъ членовъ семейства. Тогда какъ сами хозяева, напримѣръ, въ лѣтнее время носили кожаную обувь, Иванъ Александровичъ только по праздникамъ надѣвалъ сапоги, а на работѣ пользовался или лаптями, или былъ босикомъ. Ночевалъ онъ лѣтомъ на дворѣ, на сушилѣ, а зимой въ кухнѣ, на печкѣ, или на полатяхъ, чтобы не беспокоить брата, такъ какъ ночью приходилось вставать къ скотинѣ, поить лошадей или давать имъ мѣсиво. Даже иногда и обѣдать; особенно если въ домѣ появлялся какой случайный гость, Ивану давали отдѣльно, за особымъ столомъ.

Въ длинные зимніе вечера, когда дѣлать было нечего и когда братецъ въ видѣ развлеченія въ своемъ кабинетикѣ проповѣдку составлялъ, Иванъ на кухнѣ, при свѣтѣ лучины, также въ видѣ развлеченія, или сбрую чинилъ, или завертки вилъ для саней, или, наконецъ, лапти себѣ плелъ на пашню. Таково было развлеченіе...

Иногда, впрочемъ, въ праздничные дни онъ осмѣливался выходить на улицу къ хороводу парней и дѣвокъ, и послѣднія весьма ласково поглядывали на «попова Ивана», любясь его красивымъ, румянымъ лицомъ, обрамленнымъ чернымъ пушкомъ начинающейся растительности, чѣмъ приводили его въ сладкое смущеніе.

Такъ жилъ Иванъ Александровичъ въ Дубенкахъ у брата изъ года въ годъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Отецъ Михаилъ былъ весьма доволенъ своимъ работникомъ и дорожилъ имъ, ибо этотъ работникъ былъ даровой, былъ здоровъ, ловокъ и силенъ, всякое дѣло у него спорилось, и работалъ онъ не за страхъ только, но и за совѣсть. За это время «толика» отца Михаила значительно увеличилась, и онъ поставилъ себѣ на мѣстѣ стараго новый домъ изъ краснаго, корабельнаго лѣса, отведеннаго ему для этого мѣстнымъ помѣщикомъ Бул-

таковымъ. Бревна же для дома вывозить ему изъ лѣсу тотъ же работникъ, братъ Ивашъ.

Но, проводя такую жизнь, Иванъ Тихомировъ не забывалъ, что онъ—человѣкъ все же духовнаго происхожденія, что вѣкъ у брата въ работникахъ не проживешь и что рано ли, поздно ли, а ему придется когда-нибудь приобщиться къ своему же сословію въ качествѣ самостоятельнаго члена. Это понималъ и отецъ Михаилъ, а сестрицы Анна Ивановна и Наталья подали даже такую мысль, что, можетъ быть, владыка Парѣній благословитъ устроиться и въ тѣхъ же Дубенкахъ, ибо дьячокъ Вонифатычъ и понамарь Александръ были уже стары, а у Вонифатыча къ тому же не было и наслѣдника его имени, а были лишь взрослые наслѣдницы.

Но какъ бы то ни было, а Иванъ Александровичъ, посѣщая храмъ Божій, всегда становился на клиросѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ причетниками и другими любителями изъ мірянъ. Пѣлъ онъ басомъ, который сталъ слагаться у него еще на школьной скамейкѣ, а съ теченіемъ времени дѣлался сильнѣе, крѣпче и чище. И не только пѣлъ, но съ удовольствіемъ и читалъ въ церкви и шестопсалміе, и пареміи, и часы, и апостолъ,—а Вонифатычъ, голосъ котораго отъ старости становился уже слабымъ, охотно уступалъ ему первенствующую роль на клиросѣ даже въ большіе праздники.

Онъ ко всему прислушивался и приглядывался въ церкви. Когда ему позволяло время, онъ и въ требохъ участвовалъ: когда заказной молебенъ отслужить съ братцемъ, панихиду отпоеть, младенца окрестить. И дѣлалъ онъ все это безъ корысти, ибо ничего не получалъ, сначала потому, чтобы практически подготовить себя къ будущему дьячеству, а впослѣдствіи и потому, что дѣло это искренно любилъ.

И въ концѣ концовъ онъ зналъ уже не только порядокъ службъ церковныхъ, не только наизусть читалъ шестопсалміе, многіе апостолы, пѣлъ разные тропари и кондаки, но могъ безошибочно безъ книжки сказать и всѣ тѣ возгласы и разные великія, малыя и сугубыя эктеніи, знать которыя полагается уже отцу дьякону.

Отецъ Михаилъ въ видѣ благодарности за труды по хозяйству и въ видѣ поощренія церковнаго направленія брата Ивана сшилъ ему два казинетовыхъ подрясника, или полукафтаны, зимній и лѣтній, и вотъ въ этомъ духовномъ одѣяніи Иванъ Александровичъ, будучи высокъ ростомъ и корпусомъ статенъ, выходилъ обыкновенно въ великіе праздники на средину дубенской церкви съ апостоломъ въ рукахъ красавецъ-красавцемъ. Къ тому же онъ и волосы носилъ уже удлинненные, почти до плечъ, и, такимъ образомъ, и фигурою своею, и сильнымъ, звучнымъ басомъ много способствовалъ возвышенію благолѣпія церковнаго служенія, несказанно радуя сердца всѣхъ прихожанъ.

Басъ Ивана Александровича былъ дѣйствительно феноменаленъ. Спускаясь въ нижнія ноты, онъ дѣлался какимъ-то бархатистымъ и ласкалъ ухо слушателя своею плавностью и мягкой нѣжностью; въ срединѣ былъ легокъ и спокоенъ и въ то же время густъ и силенъ, и звучалъ, какъ тяжеловѣсный серебряный колоколь; а верхними нотами онъ производилъ впечатлѣніе чего-то страшнаго, неестественнаго, отъ чего у однихъ пробѣгали мурашки по спинѣ, у другихъ волосы на головѣ становились дыбомъ, а у иныхъ замирало сердце. Про верхъ его баса мужики говорили, что «никому такъ не поднять и не протянуть», а г. Булгаковъ, тамбовскій губернаторъ, пріѣхавъ разъ въ свое дубенское имѣніе и услыхавъ въ церкви, какъ Иванъ Александровичъ читалъ и какъ кончилъ апостолъ, выразился о немъ: «я думаю, любой епископъ не прочь бы имѣть у себя такого протодіакона».

Сколь велика была сила голоса Ивана Тихомирова, сколь этотъ голосъ былъ крѣпокъ и могучъ, объ этомъ рассказываютъ два случая изъ его дубенской у отца Михаила жизни.

Однажды, въ лѣтнее время затерялась въ лѣсу на Доркахъ корова отца Михаила. Къ вечеру все стадо пригналось, а коровы отца Михаила пѣтъ. Обезпокоенная матушка прогнала пастуховъ искать корову. Тѣ долго ходили по лѣсу, гдѣ паслось стадо, кричали, манили корову, но не нашли и уже позднимъ вечеромъ вернулись ни съ чѣмъ. А Дорки въ то время были огромнымъ дремучимъ лѣсомъ (нынѣ давно вырубленнымъ), гдѣ водились медвѣди. Жаль корову, какъ разъ медвѣдь задереть... Тогда отецъ Михаилъ обратился къ брату:

— Пойдемъ, Иванъ, сходимъ. Покричишь, можетъ, услышитъ, на голосъ придетъ.

И пошли, взявъ съ собой для безопасности еще двоихъ мужиковъ.

— Буренушк...а... а... а...!—заревѣлъ Иванъ, когда пришли въ лѣсъ.—Ого... го... го... о...!—тянулъ онъ въ верхнее фа, и эхо, какъ грозные раскаты грома, верстъ на десять вокругъ прокатилось по лѣсу широкой волною.

Услыхала буренушка Ивановъ голосъ, и чрезъ немалое время гдѣ-то вдали слышалось едва уловимое ея мычаніе, а скоро и сама она съ радостью прибѣжала на зовъ, продолжая часто мычать.

Другой разъ, въ ненастную осеннюю пору, какъ-то послѣ обѣда, когда неотложныхъ работъ по дому не было, Иванъ отпросился у брата въ Судогду, отстоящую отъ Дубенокъ въ десяти верстахъ, за табачкомъ, такъ какъ какой былъ у него, весь вышелъ. Въ Судогдѣ, грѣшнымъ дѣломъ, выпилъ онъ три стаканчика и, когда возвращался домой, была уже ночь и моросилъ дождикъ. Не доходя до Дубенокъ версты четыре, въ лѣсу, именуемомъ Борокъ, онъ сбился

съ дороги и стали плутать. Долго плутали, а выйти на дубенское поле никакъ не могъ. Тогда онъ прибѣгъ къ единственному средству спасенія, къ помощи своего голоса, и заоралъ:

— Ей... ей... ей... е... й!..

Дубенскіе мужики сушили въ эту ночь овины и спали въ подлазахъ, около теплицъ. Нѣкоторые изъ нихъ услышали этотъ ревъ и сначала подумали, что это лѣшій сзываетъ къ себѣ своихъ вѣдьмъ. Потомъ одинъ изъ нихъ сообразилъ: не поновъ ли это Иванъ? Доложили отцу Михаилу, и тутъ же верхами на лошадяхъ и съ фонарями отправились искать Ивана. Постепенно приближаясь къ нему на его голосъ, они нашли его въ лѣсу, верстахъ въ пяти отъ Дубенокъ, далеко въ сторонѣ отъ судогодской дороги, съ которой онъ сбился...

Такъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, постепенно идя отъ силы въ силу и входя въ полноту возраста, Иванъ Александровичъ Тихомировъ, прежде забитый и загнанный школой и неудачами юноша, зануанный и принижанный, благодаря свободѣ сельской жизни, физическому труду и правильному вообще режиму мало-помалу складывался и наконецъ сложился въ мужа силою крѣпкаго, ликомъ вельдѣннаго и гласомъ вельми знатнаго и зѣло пріятнаго.

IV.

Прошло шесть лѣтъ... Была ранняя Пасха...

Крестьяне дубенскаго прихода въ этотъ годъ не рассчитывали скоро начать пашню подъ яровое, потому что и снѣгъ еще не совсѣмъ стаялъ на поляхъ, и межи были полны водою. У нихъ искони существовалъ обычай, сохранившійся въ жалкихъ остаткахъ и доселѣ, ходить послѣ Пасхи, кто имѣлъ усердіе, къ Троицъ-Сергію на богомолье. Тенерь время какъ разъ благопріятствовало этому, и вотъ въ началѣ Оомной потянулись изъ Дубенокъ и окрестныхъ деревень поклониться преподобному цѣлыя партіи наломниковъ, челоуѣка по четыре, по пяти, и мужчины и женщины, и старые и молодые.

Нашлись благопріятели, которые пригласили итти съ собою въ святую обитель и попова Ивана. За всѣ шесть лѣтъ своей тяжелой, трудовой жизни въ Дубенкахъ никуда не выѣзжавшій и не выходившій, кромѣ Судогды, Иванъ Александровичъ съ радостью отозвался на приглашеніе и не преминулъ тотчасъ же о своемъ намѣреніи довести до свѣдѣнія брата.

Отецъ Михаилъ не сталъ удерживать, благословилъ на доброе дѣло, но на дорогу все-таки сказалъ Ивану:

— Пахать-то приходи скорѣе.

А сестрицы Анна Ивановна и Наталья Александровна заказали ему поставить преподобному свѣчку въ полтину и непременно принести отъ гроба его цѣлебнаго масла.

И вотъ въ сообществѣ трехъ мужичковъ, изъ которыхъ одинъ, Иванъ Аникичъ, бывалъ у Троицы-Сергія не единожды и могъ служить другимъ руководителемъ, шествуетъ Иванъ Александровичъ на поклоненіе всероссійской святыни Троицкой лавры, какъ и подобаетъ богомольцу, въ лантяхъ и съ сумкой за плечами, гдѣ у него хранились кожаные сапоги, полукафтаны и черные сухари. Съ боку на ремешкѣ привѣшена была и берестяная кружка для питья.

Дорогой занимались душеспасительными разговорами, а Иванъ Александровичъ, кромѣ того, интересовался и монастырскими пѣвчими.

— Тамъ два хора,—повѣствовать ему Иванъ Аникичъ:—правый и лѣвый, и вездѣ поютъ монахи и послушники. Хорошо поютъ, потому нарочно подобраны. Много ихъ тамъ, есть изъ чего выбрать, ну, и поютъ...

— А каковы голоса?—спрашивалъ Иванъ Александровичъ.

— Голоса здоровые, какъ изъ бочки гудить,—отвѣчалъ руководитель:—и кверху поднимаютъ шибко, и ловко все у нихъ выходитъ, только я такъ думаю, что до тебя имъ далеко, гдѣ же выстоять супротивъ твоего голоса? Вотъ самъ увидишь...

Конечно, пріятно было такое восхваленіе въ сопоставленіи съ голосами знаменитой лавры.

Пришли на пятые сутки, въ субботу, и остановились въ маленькой лачужкѣ у какой-то блинницы съ платою за ночлегъ по двѣ копейки съ человѣка.

До всенощной первымъ дѣломъ сходили къ святымъ мощамъ угодника, отстояли здѣсь общій молебенъ съ акаѳистомъ, удостоились приложиться, взяли маслица и ватки, а потомъ осмотрѣли лаврскую колокольную, Успенскій соборъ и другія церкви.

Когда ударили ко всенощной, Иванъ Александровичъ, будучи въ парадной формѣ, т. е. въ сапогахъ и подрясникѣ, поспѣшилъ стать въ Троицкомъ соборѣ у лѣваго клироса, и такъ какъ богомольцевъ было много и было тѣсно, то энергично отстанувъ плечомъ и грудью свою позицію и отстоялъ до конца.

Всенощное бдѣніе совершалось по уставу, много было чтенія и пѣнія. Стоя вплотную рядомъ съ клиросомъ, нашъ богомольецъ все время подпѣвалъ пѣвчимъ своимъ басомъ, концы затягивая чуть-чуть октавой, а въ верхнихъ нотахъ едва лишь пуская свой голосъ изъ могучей груди.

Послушники и монахи—пѣвцы клироса—сначала переглянулись между собою, а потомъ пошептались. Въ концѣ всенощной одинъ изъ нихъ, который стоялъ ближе всѣхъ къ Ивану Александровичу, съ дозволенія рясофорнаго регента, наклонился къ нему и шопотомъ сказалъ:

— Какой у тебя голосъ-то!.. Ты кто такой?

Иванъ нѣсколько сконфузился, что обратилъ на себя вниманіе монаховъ, но все же это ему было пріятно, и потому хотя и тихо, но съ нѣкоторымъ достоинствомъ онъ прогудѣлъ вполголоса:

— Мы изъ богомольцевъ, изъ-за Клязьмы.

— Ты завтра будешь здѣсь?—продолжалъ шопотомъ нѣвчій.— Тебя вотъ велятъ звать сюда, на клиросъ. Завтра позднюю будетъ служить отецъ намѣстникъ, приходи, станешь прямо съ нами. Ты изъ дячковъ что ли?... Ну, такъ завтра непременно...

На другой день Иванъ явился въ соборъ еще до звона и занялъ прежнее свое мѣсто у клироса. Позднюю дѣйствительно служилъ самъ отецъ намѣстникъ. Пока читали часы, послушники успѣли убѣдить Ивана Александровича подняться къ нимъ на клиросъ, что онъ, сконфузясь, и исполнилъ. Изъ нѣсколькихъ отвѣтовъ на предложенные ему вопросы монахи увидѣли, что Иванъ имѣетъ опытность въ клиросномъ дѣлѣ, а когда, исполнивъ съ участіемъ Ивана нѣсколько нумеровъ на своемъ клиросѣ, они убѣдились и въ страшной силѣ его голоса, все, какъ одинъ человѣкъ, суется зашентали:

— Апостолъ, апостолъ ему... непременно апостолъ...

И вотъ, ободряемый и словами, и глазами, и нервными одушевляющими движеніями всѣхъ нѣвчихъ цѣлаго клироса, вышелъ Иванъ на средину съ апостоломъ въ рукахъ...

Уже послѣ возглашенія прокимна весь соборъ, т. е. всѣ молящіеся, насторожились, а по мѣрѣ чтенія, когда голосъ чтущаго постепенно возвышался, въ соборѣ сдѣлалась великая тишина. Когда Иванъ Александровичъ приближался къ концу, первые монаховъ, не слыжавшихъ ничего подобнаго, напряглись до крайней степени: умъ, сердце, вся душа ихъ была въ этомъ «концѣ», и выше это ихъ состояніе выражалось въ до невозможности расширенныхъ, готовыхъ выскочить изъ своихъ орбитъ глазахъ, съ затаеніемъ дыханія.

Самъ отецъ намѣстникъ, въ началѣ чтенія апостола сидѣвшій въ алтарѣ на креслѣ, къ концу поднялся съ него и подошелъ къ престолу, чтобы яснѣе слышать и полнѣе насладиться впечатлѣніемъ.

Когда Иванъ кончилъ, нѣвчіе не вдругъ сѣли «аллилуія», съ полминуты находясь какъ бы въ состояніи гипноза, а потомъ, во время евангелія, на обонхъ клиросахъ между ними шло оживленное шушуканье, приводившее даже въ соблазнъ богомольцевъ.

Между тѣмъ послѣ евангелія, которое, кетати сказать, читалъ престарѣлый протодіаконъ лавры, и хотя уже и старческій, но все же сильный басъ котораго сейчасъ всѣмъ показался очень слабымъ, отецъ намѣстникъ потребовалъ къ себѣ отца благочиннаго и спросилъ его:

— Кто читалъ апостолъ? Это не изъ нашихъ: узнай и скажи.— А самъ подумалъ: «дастъ же Господь такую силу голосу!»

Когда благочинный вскорѣ доложилъ кратко намѣстнику объ Иванѣ, что узналъ отъ нѣвчихъ, отецъ намѣстникъ отдалъ такой приказъ:

— Приведи его ко мнѣ послѣ литургіи... туда, въ келію...

Нигдѣ не бывавшій, не выдавшій людей, за шесть лѣтъ жизни въ Дубенкахъ совершенно одичавшій, Иванъ Александровичъ упалъ духомъ, когда узналъ, что его требуетъ къ себѣ самъ намѣстникъ, и литургію почти уже не пѣлъ. Ему подумалось: не совершилъ ли онъ великое преступленіе, сказавши апостолу?.. Какъ ни ободряли его нѣвчіе, какъ ни доказывали ему, что архимандритъ зоветъ его къ себѣ именно потому, что самъ въ восторгѣ отъ его голоса, онъ плохо вѣрилъ этому и мучился...

Но вотъ Иванъ Тихомировъ и въ покояхъ намѣстника. Долго онъ сидѣлъ въ прихожей на стулѣ, гдѣ указалъ ему благочинный, дожидаясь, когда кончитъ отецъ архимандритъ чай. Страхъ не покидалъ его. Онъ думалъ: «Пожалуй, скажетъ: что ты, дуракъ, оралъ, словно въ лѣсу или на улицѣ? Только безпорядокъ произвелъ въ храмѣ... Въ солдаты за это тебя отдать... Или, пожалуй, чрезъ полицію какъ накажутъ... что подѣлаешь? Здѣсь некому заступиться, такъ ни за грошъ пропадешь... Сидѣть бы лучше ужъ въ Дубенкахъ».

Вдругъ откуда-то изъ боковой двери вынырнулъ молодой послушникъ и тихо сказалъ Ивану:

— Иди, тебя требуетъ отецъ намѣстникъ.

Екнуло сердце Ивана, въ голову что-то вступило. Прошелъ за келейникомъ какую-то длинную, увѣшанную портретами архіереевъ комнату, поскользнулся на полу и чуть не упалъ. Вступилъ въ другую, небольшую, и здѣсь увидѣлъ сидящимъ за столомъ на мягкомъ диванѣ отца намѣстника и стоящимъ около него благочиннаго. Благочинный тутъ же и удалился, сдѣлавъ поклонъ намѣстнику.

И Иванъ поклонился. Тогда архимандритъ, высокій сѣдой старикъ, въ черной рясѣ и съ золотымъ крестомъ на груди, всталъ, медленно подошелъ къ Ивану и благословилъ его.

— Ты кто таковъ и откуда?—топомъ начальника спросилъ онъ.

— Изъ... богомольцевъ я... изъ-за Клязьмы,—тихо, какъ шмель, прогудѣлъ дубенскій богомолецъ, а самъ едва стоялъ и дрожалъ.

— Ты что же, изъ монастыря какого, или изъ мірскихъ?

— Ваше высокопреподобіе! я изъ Дубенокъ... Живу у брата... тамъ онъ попомъ, а я у него въ родѣ какъ работникъ,—сразу выпалилъ Иванъ Александровичъ, и при этомъ испустилъ изъ своей широкой груди глубокой вздохъ.

Видѣлъ намѣстникъ волненіе Ивана и уже легкимъ голосомъ сталъ говорить съ нимъ. Тогда и дубенскій богомолецъ сталъ пошмѣлье, и вышло такъ, что онъ въ нѣсколькихъ отвѣтахъ на предло-

женные ему вопросы подробно рассказали намѣстнику о себѣ и о своей тяжелой въ Дубенкахъ жизни.

Отецъ архимандритъ, весьма боявшійся, не соединенъ ли Иванъ узами брака, и теперь съ радостью узнавшій, что онъ холостъ, увидѣлъ, какое золото достается ему, и потому повелъ такую рѣчь:

— Присядь-ка... Голосъ твой мнѣ понравился. Оставайся-ка у насъ. Не сладка, видимо, жизнь-то твоя тамъ, въ Дубенкахъ-то, да и впереди чего ты тамъ дождешься? А здѣсь ты у меня будешь на виду. Сначала послушникомъ поживешь, пѣть будешь. Послушаній тебѣ не будетъ, какъ другимъ, чисто будешь жить, только пой. При томъ хоть и небольшое, а и жалованьице тебѣ положу, а одежда и обувь—все это само собой, отъ монастыря. Трапеза у насъ общая, а по воскреснымъ днямъ и праздникамъ и чай тебѣ будетъ. Поживешь годикъ-другой, а тамъ... Ты вотъ не знаю, какъ насчетъ винца?...

— Потребляю, но мало,—буркнулъ Иванъ.

— Ну, такъ вотъ,—продолжалъ ласково намѣстникъ:—будешь ежели трезвъ, мы тебя скоро и въ іеродіаконы произведемъ, и будешь ты служить у насъ вторымъ, или, вѣрнѣе сказать, первымъ послѣ протодіакона. Разумѣй это, ибо первый іеродіаконъ у насъ получаетъ уже хорошее жалованье. Конечно, далеко загадывать нельзя, но, разсуждая ежели по человѣчеству... вѣдь старый старится и молодому даетъ мѣсто; ты—человѣкъ молодой, можешь у насъ и дальше выдвинуться... а я тебя не покину. Такъ вотъ, соглашайся-ка. А брату своему сейчасъ же отпиши, что ты остаешься въ нашей обители и сошлись на меня, а итти назадъ тебѣ нечего. Ну, такъ какъ же?

Ласковая рѣчь намѣстника отуманила Ивана. Она льстила и самолюбію его, и не только соотвѣтствовала его желаніямъ, но далеко и превосходила ихъ, ибо то, что обѣщалось ему, представлялось ему великимъ счастіемъ.

Стремительно всталъ онъ, неуклюже бухнулся намѣстнику въ ноги, и только и сумѣлъ прогудѣть:

— Не оставьте...

V.

Началась новая, монастырская жизнь для Ивана Александровича Тихомирова...

Съ Иваномъ Аникичемъ онъ отправилъ въ Дубенки братцу краткое письмо такого содержанія:

«Дорогой братецъ и милыя сестрицы!

«Увѣдомляю васъ, что по волѣ Всевышняго я остаюсь въ святой обители служить преподобному богоносному отцу Сергію, радонецкому чудотворцу. Его высокопреподобіе, самъ отецъ намѣстникъ, оставили меня здѣсь пѣть. Имъ полюбили мой голосъ по случаю

чтенія апостола. Они обѣщались меня не оставить и никакихъ послушаній мнѣ не назначили, и жалованье мнѣ будетъ. Простите меня, родимый братецъ и милыя сестрицы. Видно, Богу такъ угодно. Благодарю васъ за вашу любовь ко мнѣ. Послушникъ Иванъ Тихомировъ».

Ивана помѣстили въ келію вмѣстѣ съ какимъ-то дряхлымъ старцемъ іеромонахомъ и другимъ послушникомъ-пѣвчимъ, уже два года жившимъ въ лаврѣ. Ему выданы были сапоги, полукафтаны и нѣсколько паръ бѣлья.

Особенно въ первое время монастырская жизнь, при совершенно новой обстановкѣ, полная новыхъ впечатлѣній и интересовъ, очень понравилась Ивану. Онъ знакомился въ лаврой, посѣщалъ церкви, ходилъ въ скиты, заводилъ знакомства съ своимъ братомъ—послушниками и монахами. Послушанія ему дѣйствительно не было назначено никакого, и о такомъ физическомъ трудѣ, какой онъ несъ въ Дубенкахъ, здѣсь не было и мысли. Обязанности его заключались только въ пѣніи на клиросѣ при отправленіи очередныхъ службъ и въ чтеніи паремій и апостола въ большіе праздники, и то по указанію отца благочиннаго. Въ самой же келіи онъ только, чередуясь съ другимъ послушникомъ, мель полъ, топилъ печку, поливалъ цвѣты.

Такая вольная и спокойная жизнь объяснялась особымъ расположеніемъ къ Ивану самого отца намѣстника. Онъ полюбилъ Ивана Александровича и чрезъ отца благочиннаго монастыря всячески старался ублажать его, дабы въ скорости закрѣпить его пребываніе въ лаврѣ постриженіемъ. Это Иванъ и самъ зналъ отъ самого же намѣстника, да и старецъ-іеромонахъ, съ которымъ онъ жилъ, прямо какъ-то сказалъ ему:

— Ты вѣдь счастливцевъ... Отецъ архимандритъ велѣлъ мнѣ руководить тебя къ тово... къ постриженію, и велѣлъ не нудить тебя ничѣмъ. Такъ ты тово... чувствуй и готовься...

Постриженіе не пугало Ивана, такъ какъ онъ видѣлъ, что прочіе монахи, такіе же молодые люди, какъ и онъ, живутъ хорошо, молятся, ѣдятъ-пьютъ вволю, здоровѣютъ и весьма довольны жизнію.

Такъ прошелъ слишкомъ годъ. Въ это время голосъ Ивана въ лаврскихъ соборахъ слышали и многія именитыя лица изъ московскаго купечества, пріѣзжавшіе въ лавру на поклоненіе преподобному угоднику. Нѣкоторые изъ нихъ, крупные богачи и щедрые благотворители монастыря, бывшіе друзьями намѣстника, нерѣдко заходили къ нему въ покои попить чайку и побесѣдовать, при этомъ они всегда обращали вниманіе на голосъ Ивана, выражали удивленіе этому голосу, а мимоходомъ закидывали словцо, что такой голосъ хорошъ бы и для Москвы.

А Иванъ Александровичъ тѣмъ временемъ цвѣлъ здоровьемъ, фигура его дѣлалась крупнѣе, а голосъ разительнѣе и совершеннѣе.

Наконецъ совершилось и его постриженіе съ нареченіемъ ему новаго имени Арсеній, а вскорѣ пріѣхавшимъ въ лавру какимъ-то московскимъ викаріемъ онъ былъ и рукоположенъ во іеродіакона, и такимъ образомъ сонмъ иноковъ Свято-Троицкія лавры увеличился новымъ инокомъ, іеродіакономъ Арсеніемъ Тихомировымъ.

Отецъ Арсеній, отъ природы имѣя характеръ спокойный, всею предшествующею жизнью не будучи избалованъ, въ лаврѣ ужился со всею братіей. Хотя многіе и имѣли основательное право завидовать его быстрому возвышенію, однако враговъ у него не было. Напротивъ, такъ какъ всѣ восхищались его неимовѣрнымъ басомъ, то и эти лица полюбили его. И такъ какъ голосъ іеродіакона Арсенія привлекалъ въ лавру многихъ богатыхъ богомольцевъ, особенно изъ Москвы, то въ концѣ концовъ вышло такъ, что вся монашеская братія, во главѣ съ самимъ намѣстникомъ, стала смотрѣть на отца Арсенія, какъ на лицо особенное, необходимое для лавры, какъ на украшеніе всей лавры...

VI.

Но вотъ пріѣхалъ въ лавру Филаретъ...

Такъ какъ былъ какой-то лаврскій праздникъ, то знаменитый митрополитъ московскій служилъ въ лаврѣ обѣдню.

Братія, конечно, готовилась къ приему высокаго гостя и своего главнаго начальника. Всѣ подтянулись и подбодрились. А главное вниманіе администраціи лавры обращено было на самое богослуженіе владыки, дабы оно было какъ можно торжественнѣе и пышнѣе, слѣдовательно, обращено было на участниковъ его. Пѣвчіе обоихъ клиросовъ постоянно спѣвались; протодіаконъ лавры изошрялъ свой голосъ у себя въ келіи встрѣчей митрополита, произнесеніемъ положенныхъ для протодіакона эктепій, чтеніемъ евангелія и приглашеніемъ «о спасеніи»; разные іеродіаконы и послушники, которымъ также предстояло такъ или иначе быть причастными къ службѣ, устранивали даже нѣчто въ родѣ репетицій, дабы не ударить себя въ грязь лицомъ при митрополитѣ въ обращеніи со свѣщами, подвѣчниками, рипидами, дикиріями и трикиріями и проч.

Пришлось подготовиться и отцу Арсенію... Такъ какъ голосомъ его гордилась вся лавра, то не только свой братъ — мелкая монашеская братія, а и солидные іеромонахи, украшенные сѣдинами и наперсными крестами, полусерьезно-полущутя просили его, чтобы онъ не выдалъ, не осрамилъ лавру предъ лицомъ самого владыки митрополита. Даже и самъ отецъ намѣстникъ какъ-то, благословляя своего любимца въ храмъ, незадолго до пріѣзда митрополита, сказалъ ему:

— Ты ужъ, что тамъ тебѣ положено, исполни, постарайся...

И отецъ Арсеній усердно нѣсколько разъ пробовалъ себя въ своей келіи надъ тѣми нумерами, которые положены уставомъ при архіерейскомъ служеніи второму діакону, а главнымъ образомъ надъ апостоломъ. Своимъ сожителямъ по келіи онъ говорилъ: «я не боюсь, я все хорошо сдѣлаю»,—и тѣ дѣйствительно видѣли, что іеродіаконъ Арсеній не осрамить лавру.

Владыка Филаретъ служилъ литургію медленно и истово. Соборъ былъ полонъ молящихся. Все совершалось чинно и благолѣпно, и владыка, по обыкновенію, былъ въ служеніи строго-сосредоточенъ.

Но вотъ началось чтеніе апостола...

Отецъ Арсеній, какъ общалъ, такъ и сдѣлалъ. Низко начавъ чтеніе, онъ артистически, незамѣтно шель вверхъ, и когда сталъ приближаться къ концу, духъ владыки смутился, но не въ худомъ смыслѣ нарушена была религіозная сосредоточенность іерарха, а, напротивъ, возрадовалась душа его о Господѣ, и онъ подумалъ: «какой голосъ!..»

Кончилъ отецъ Арсеній такъ, что при мертвой тишинѣ собора слышно было, какъ гдѣ-то въ окнахъ зазвенѣли стекла. Погасли также и близстоящія къ чтецу свѣчи и лампы.

Впечатлѣніе отъ чтенія апостола и вообще отъ служенія отца Арсенія при митрополитѣ было потрясающе. Вся лавра торжествовала, всѣ видѣли ясно, что митрополитъ, всегда суровый и непроницаемый, на сей разъ и смотрѣлъ какъ-то на всѣхъ ласковѣе, и голосъ его сталъ мягче, словомъ, видѣли, что владыка весьма доволенъ службой, и потому всѣ, какъ одинъ чловѣкъ, превознесли отца Арсенія до неба и ликовали.

Однакоже въ тотъ же день, и очень скоро, вся братія лавры поверглась въ уныніе и при томъ съ своимъ отцомъ намѣстникомъ во главѣ.

А случилось вотъ что.

Когда Филаретъ, по окончаніи литургіи, благословивъ всѣхъ, прослѣдовалъ въ свои митрополичьи покои и когда вся монашеская братія уже на свободѣ предавалась въ келіяхъ празднеству и возносила имя отца Арсенія, вдругъ прибѣжалъ, запыхавшись, къ Арсенію отецъ благочинный и объявилъ ему:

— Тебя требуетъ самъ владыка, иди скорѣе... мнѣ сейчасъ отецъ намѣстникъ велѣлъ, скорѣе... скорѣе... Богъ знаетъ, зачѣмъ, не знаю...—а самъ дрожалъ, изъ-подъ клобука его катились по лицу капли пота.

Отецъ Арсеній тотчасъ же послѣдовалъ съ благочиннымъ въ митрополичьи покои... Къ счастью, самъ онъ воздержался отъ поздравленій себя самого.

Хотя онъ и чувствовалъ совѣсть свою спокойною, кажется, сдѣлалъ все по усердію, по чести, но все же страхъ благочиннаго пе-

ределся и ему, и онъ робко, сдерживая дыханіе своей могучей груди, вошелъ въ святилище.

Когда вышелъ къ нему Филаретъ, онъ первымъ дѣломъ упалъ въ ноги святителю и ждалъ суроваго приговора.

Вдругъ слышитъ мягкій и ласковый голосъ:

— Встань, я благословлю тебя!

И когда отецъ Арсеній принялъ отъ высшаго іерарха церкви благословеніе, тотъ продолжалъ:

— Богъ даровалъ тебѣ большой талантъ для прославленія имени Своего. Я никогда не слыхивалъ такого голоса, какимъ обладаешь ты, да и не услышу ни отъ кого другого. Желаетъ ли быть протодіакономъ въ первопрестольной столицѣ при мнѣ?

Какъ громомъ сраженный дубъ, упалъ іеродіаконъ Арсеній къ стопамъ владыки, залился нервными, но счастливыми слезами и, цѣлуя подолъ рясы святителя, едва прошепталъ:

— Не оставьте...

VII.

Отецъ Арсеній Тихомировъ сталъ протодіакономъ знаменитаго митрополита Филарета въ Москвѣ. Высоко вознесла судьба его.

О томъ, какъ жилъ въ Москвѣ отецъ Арсеній, какъ протодіаконъ первопрестольной столицы, рассказывали, между прочимъ, дубенскіе мужики, ходившіе въ былое время на заработокъ въ Москву по каменнымъ работамъ и жившіе тамъ подолгу, теперь, конечно, всё уже умершіе.

Жилъ онъ въ Чудовомъ монастырѣ. Митрополитъ очень любилъ Арсенія. Онъ никогда не служилъ безъ него, хотя прежній его протодіаконъ былъ живъ и тоже былъ силенъ голосомъ. Хотя и числился онъ протодіакономъ, но Филаретъ при себѣ назначалъ служить ему только вторымъ, а первенствовалъ при немъ всегда Арсеній.

Вся Москва стекалась слушать отца Арсенія. Такого голоса никто раньше нигдѣ не слыхивалъ, такой выдержки, осанки и красоты движеній въ служеніи никто не видывалъ. Конечно, соборы и храмы, гдѣ бывало митрополичье служеніе, не могли вмѣстить желающихъ послушать протодіакона, а потому сюда пропускали всегда по выбору, или, какъ говорятъ нынѣ, по билетамъ.

Много было въ Москвѣ поклонниковъ у отца Арсенія, особенно среди богатаго купечества, и каждый изъ нихъ въ знаменательныхъ событіяхъ своей жизни и жизни семьи, благословляемыхъ и освящаемыхъ церковію, гдѣ требовался страшный бась, считалъ своимъ долгомъ приглашать протодіакона Арсенія и щедро вознаграждалъ его за трудъ. Но Филаретъ берегъ голосъ своего любимца и не всегда разрѣшалъ ему выступать въ приходскихъ церквахъ безъ себя.

Нечего говорить про то, что многіе считали счастьемъ, если отецъ Арсеній посѣтитъ домъ ихъ. И когда это случалось, то тутъ предлагаемо было Арсенію великое угощеніе и оказывались всякія ласки отъ всѣхъ членовъ дома. Здѣсь, конечно, отецъ Арсеній возглашаль многолѣтіе хозяину, но, боясь гнѣва митрополита, дѣлалъ это лишь слегка, а не во всю мощь и широту своего голоса.

Хотя такія посѣщенія купеческихъ домовъ были и не часты, но все же они оказали недоброе вліяніе на отца Арсенія: съ одной стороны, онъ здѣсь хорошо ознакомился не только съ русскимъ Бахусомъ, но и сталъ понимать толкъ и различіе въ заморскихъ винахъ, а съ другой—полный жизни и здоровья, будучи красавцемъ собою, въ лицѣ купеческихъ женъ и дочерей онъ позналъ всю силу и прелесть соблазна женской красоты.

Слухи объ увлеченіяхъ его стали извѣстны и начальству, но такъ какъ это были лишь слухи,—а мало ли бываетъ ложныхъ слуховъ о человѣкѣ?—то протодіаконъ Арсеній попрежнему удивлялъ, поражалъ и восхищалъ своимъ голосомъ первопрестольный градъ Москву.

Находились будто высокія лица, которыя соблазняли отца Арсенія оставить протодіаконство, сложить съ себя санъ и поступить пѣвцомъ въ театръ и обѣщали за это ему большое жалованье и всѣ утѣхи міра сего, но, сдерживаемый любовью къ себѣ митрополита, Арсеній устоялъ отъ соблазновъ и съ честью продолжалъ восхвалять и прославлять имя Божіе дарованнымъ ему талантомъ.

Такъ онъ прожилъ въ Москвѣ четыре или пять лѣтъ. Изъ Москвы онъ приехалъ въ Дубенки своему братцу нѣсколько писемъ, въ которыхъ благодарилъ Господа за не въ мѣру оказанныя ему милости, сестрицамъ посылалъ поклонъ и обѣщался непременно какъ-нибудь отпроситься у владыки и пріѣхать въ Дубенки.

VIII.

И пріѣхалъ въ Москву императоръ Николай...

Если лавра усердно готовилась къ приему митрополита, то первопрестольная Москва, всегда видѣвшая въ своихъ государяхъ вѣнценосныхъ, Богомъ поставленныхъ, самодержавныхъ правителей Россіи, готовилась къ встрѣчѣ своего царя еще усерднѣе. Всѣ государственныя и общественныя мѣста, правительственныя и частныя учрежденія столицы, военное вѣдомство—провѣряли себя и приводили въ порядокъ; въ учебныхъ заведеніяхъ также шло спѣшное приготовленіе къ возможному посѣщенію государя, который имѣлъ обыкновеніе являться всюду неожиданно. Столица расцвѣтилась національными флагами и транспарантами, гдѣ-то слышалась пушечная пальба, а по вечерамъ горѣла на всѣхъ улицахъ иллюминація. Подтянулось и московское духовенство, особенно Успенскаго

собора и кремлевскихъ церквей. Высшимъ духовнымъ начальствомъ чрезъ консисторію отданы были строгія распоряженія на случай посѣщенія той или другой церкви государемъ. Получилъ инструкціи, какъ слѣдуетъ вести себя въ служеніи при императорѣ и отецъ Арсеній.

Въ настоящій пріѣздъ свой въ Москву государь императоръ Николай Павловичъ дѣйствительно присутствовалъ при митрополическомъ служеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ.

Литургія совершалась при немъ скорѣе обыкновеннаго. Протодіакону нужно было имѣть много умѣнья, такта, артистическаго искусства, дабы такъ сдѣлать, чтобы служеніе было не продолжительно, но и не скоро, красиво и благолѣпно, громко, но не оглушающе.

Бывшій дубенскій богомолецъ, исключенный изъ духовнаго училища, прожившій немало лѣтъ около сохи и бороны, ходившій въ лаптяхъ и зипунѣ, гдѣ могъ научиться такому искусству? Для этого требовалось изученіе особыхъ наукъ, а что онъ изучалъ и зналъ? Но Господь Богъ помогъ простецу...

Служилъ онъ истово и красиво, отчетливо и ясно, своимъ могучимъ голосомъ воспользовался ровно настолько, сколько это требовалось самимъ дѣломъ, и только въ многолѣтія на молебнѣ, побуждаемый патріотическимъ чувствомъ, далъ ему нѣкоторую волю, — и однако многолѣтіе это вышло такъ сильно и красиво, такъ могущественно захватило всѣхъ, что даже петербургскіе сановники съ орденами и звѣздами, которые присутствовали при царѣ, пришли въ неописуемый восторгъ и шопотомъ повторяли между собой: «ну, что это за прелесть, что за роскошь!.. какая сила и чистота голоса!..»

Послѣ литургіи государь осчастливилъ митрополита своимъ посѣщеніемъ въ его покояхъ, гдѣ и пилъ чай, а всѣ прочіе, участвовавшіе въ служеніи, какъ и окружавшіе царя министры и сановники, разѣхались.

Отецъ Арсеній, довольный собою, ушелъ въ свою обширную келію и здѣсь на свободѣ вздохнулъ за чайкомъ, поданнымъ ему его послушникомъ.

И вдругъ послушникъ вбѣгаетъ къ нему, измѣнившись въ лицѣ, и говоритъ:

— Отецъ протодіаконъ! отъ государя адъютантъ!...

Вздрыгнувъ отецъ Арсеній, снѣжно накинулъ на себя рясу и вышелъ навстрѣчу входившему къ нему блестящему офицеру.

— Государь императоръ повелѣлъ мнѣ пригласить васъ сейчасъ же къ нему, въ покои митрополита, — отпрапортовалъ онъ.

— Зачѣмъ же? — едва переводя духъ, спросилъ Арсеній.

— Этого я не могу знать; я исполняю лишь приказъ. Пожалуйте!

Упало сердце у протодіакона. Изъ статнаго красавца получился сразу жалкій, несчастный человѣкъ.

«Господи, не оставь! Господи, не погуби!» побѣлѣвшими губами шепталъ онъ все время, пока шелъ въ покои Филарета съ офицеромъ.

Когда его провели въ огромную залу, гдѣ за столомъ сидѣли государь и митрополитъ, онъ, сдѣлавъ два-три шага впередъ, еще издали упалъ императору въ ноги.

А когда поднялся, услышалъ властный, громкій голосъ царя:

— Твой голосъ, отецъ протодіаконъ, поправился мнѣ. Прилично русскому государю имѣть такого діакона у себя во дворцѣ. Я уже переговорилъ о тебѣ съ владыкой, онъ отпускаетъ тебя. Желаетъ ли быть протодіакономъ у меня?

Эти слова русскаго императора, земного бога, какъ бывало смотрѣли на государя старинные русскіе люди, прозвучали въ ушахъ отца Арсенія, какъ небесная музыка. Мгновенно какая-то могучая живительная сила влилась въ его душу и, какъ спасительная волна утопающаго въ морѣ, какъ бы подбросила протодіакона вверхъ, вырвавъ изъ когтей неминуемой смерти къ счастливой жизни.

Мгновенно преобразился протодіаконъ и, хотя на глазахъ его были слезы, но, должно быть, по напѣтю свыше онъ изрекъ вдругъ умное слово:

— Воля вашего императорскаго величества для меня священна. Радъ стараться...

— Ну, и хорошо, — улыбувшись, сказалъ государь. — Передай тамъ адъютанту, чтобы онъ отправилъ тебя въ Петербургъ...

И снова грузно упалъ отецъ Арсеній въ ноги государю императору и пробурчалъ:

— Не оставьте...

IX.

Въ Петербургѣ протодіакону Арсенію отведена была хорошая квартира во дворцѣ, великолѣпно меблированная.

Государь императоръ благоволилъ ему. Это видѣлъ весь высшій Петербургъ, т. е. всѣ царедворцы, министры, князья и графы, и потому и они всѣ относились къ Арсенію съ почтеніемъ и уваженіемъ.

А службы у Арсенія было немного и особенно готовиться къ служенію не приходилось. Только въ великіе праздники, какъ Пасха, Рождество Христово и Крещеніе, и въ высокаторжественныхъ случаяхъ, когда на служеніи присутствовали государь императоръ, государыня императрица, наслѣдникъ цесаревичъ и весь царствующій домъ, а также министры, высшіе сановники и иностранные послы, онъ старался приложить все свое умѣнье и искусство къ тому, чтобы быть на высотѣ своего призванія, прославить своимъ голосомъ Россію и возвеличить имя русскаго царя.

Его голосу и умѣнью служить выражали удивленіе предъ самимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ не только всѣ царедворцы, но и иностранные дипломаты, представители государствъ всего міра.

Отецъ Арсеній имѣлъ отъ государя какія-то медали и ордена...

И вотъ однажды, года три спустя послѣ переселенія изъ Москвы въ Питеръ, послѣ какого-то торжественнаго служенія съ возмашеніемъ многолѣтія государю и всему царствующему дому, когда протодіаконъ Арсеній особенно искусно, велѣлѣнно и велегласно въ многолѣтіи прославилъ царя, а самъ государь императоръ Николай Павловичъ былъ въ особенно радостномъ настроеніи, онъ, государь, въ присутствіи всѣхъ звѣздоносныхъ князей и графовъ тутъ же въ церкви остановилъ Арсенія и сказалъ ему:

— Много протодіаконовъ на Руси, но ты отличаешься отъ нихъ. Поэтому и я желаю отличить тебя: отнынѣ будь ты протодіаконъ всея Россіи...

Дуракъ-дуракомъ стоялъ и моргалъ глазами Арсеній предъ его величествомъ и не зналъ, что ему дѣлать. Хотѣлъ броситься въ ноги императору и сказать «не оставьте», но сознаніе какъ-то замутилось, не успѣлъ этого сдѣлать, а государь уже удалился...

Вскорѣ изъ святѣйшаго правительствующаго синода за подписью всѣхъ членовъ оного, митрополитовъ и архіепископовъ, присланъ былъ отцу Арсенію огромный листъ толстой бумаги, отпечатанный золотыми литерами, въ которомъ сказано было, что по повелѣнію Его Императорскаго Величества онъ, протодіаконъ Арсеній, въ воздаяніе заслугъ по своему исключительному басу, превзошедшему силою уставы естества, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ протодіаконамъ имперіи, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ, возводится въ званіе протодіакона всея Россіи...

Звѣзда отца Арсенія достигла своего зенита...

Онъ не только получалъ огромное жалованье, одѣвался въ великолѣпныя шелковыя рясы, ѣлъ поварскія блюда съ царской кухни, ѣздилъ по Петербургу въ каретѣ на четвернѣ, но и часовые во дворцѣ отдавали ему честь, и знакомство онъ велъ съ сановными вельможами, былъ принятъ въ ихъ семьи и здѣсь проводилъ время въ полное свое удовольствіе.

Въ это именно время онъ прислалъ въ Дубенки брату нѣсколько писемъ, въ которыхъ, прославляя Господа за свое великое возвышеніе и кланаясь сестрицамъ Аннѣ Ивановнѣ и Натальѣ, просилъ привезти къ нему въ Петербургъ племянницъ Лизаньку и Оленьку, которыхъ оставилъ въ Дубенкахъ малыми младенцами и которыхъ теперь, по ихъ школьному возрасту, обѣщалъ опредѣлить на казенный счетъ въ Смольный институтъ, гдѣ обучаются разныя княжны и графини. При этомъ писалъ, что авось Богъ дастъ—онъ ихъ выдастъ въ Питеръ и замужъ за высокихъ людей.

Въ это же время онъ прислалъ также братцу въ подарокъ и свою шелковую рясу лиловаго цвѣта, которую просилъ носить и помнить брата Ивана, а самъ опять обѣщалъ когда-нибудь пріѣхать въ Дубенки.

X.

No tempora mutantur et omnia in hoc mundo caduca sunt...

Еще въ Москвѣ, какъ было сказано, Арсеній познакомился съ искушеніями. Въ Петербургѣ, когда звѣзда его восходила выше и выше, этихъ искушеній представлялось ему еще больше, а какой-либо особенно сдерживающей силы у него не было, ибо протодіаконъ всея Россіи пользовался полной свободою.

И вотъ завязавшаяся дружба съ Бахусомъ, которую Арсеній сначала скрывалъ, стала у него крѣпнуть, стала постепенно проявляться во внѣ и сдѣлалась видимою для другихъ. Небезупреченъ былъ возвеличенный протодіаконъ и по части соблазновъ противоположнаго пола. И что особенно было дурно и роняло его въ глазахъ другихъ, онъ увлекался не тайно.

Разумѣется, среди знакомыхъ его знатныхъ лицъ были и такія, которыя искренно любили и жалѣли протодіакона. Они всячески останавливали и удерживали Арсенія отъ его увлеченій, опровергали преувеличенные злорѣчивые толки о немъ, защищали его. Но истину скрыть или хотя бы затушевать погуще было трудно. А самъ Арсеній на бѣду свою возгордился, возмнилъ о себѣ и въ состояніи опьянѣнія, какъ іерихонская труба, на всѣ увѣщанія и убѣжденія своихъ высокихъ друзей, гудѣлъ:

— Не боюсь... за меня государь императоръ... Что онъ будетъ безъ меня дѣлать?

И продолжалъ увлекаться.

Слухи о не соответствующемъ сану его поведеніи достигли и до самого монарха. Но, должно быть, видя, съ одной стороны, и понимая могучую физическую силу протодіакона всея Россіи, а съ другой и цѣня его исключительный голосъ и талантъ, онъ замалчивалъ ихъ, какъ будто не обращалъ на нихъ вниманія.

Но вотъ случилось одно событіе, которое смутило духъ и императора...

Однажды будто бы Арсеній приглашенъ былъ къ какому-то высокому царедворцу на вечеръ. Здѣсь послѣ ужина гости, которые поселились, размѣстились по комнатамъ и стали играть въ карты. Игралъ и протодіаконъ, и среди его партнеровъ былъ одинъ сановникъ, членъ сената, уже дряхлый старичокъ, тугой на одно ухо, однако какого-то знатнаго происхожденія, чѣмъ-то знаменитый и лично извѣстный государю. Отецъ Арсеній былъ уже въ состояніи достаточнаго опьянѣнія и держалъ себя за игрою довольно свободно. Не ограничиваясь, однако, тѣмъ, что было потреблено раньше, онъ и за картами продолжалъ тянуть какіе-то заморскіе, крѣпкіе и дорогіе ликеры и своими шутливыми замѣчаніями и изреченіями хотя рѣзко и не выходилъ изъ границъ приличія, но все же нару-

шалъ принятый тонъ. Это бы еще ничего; но дальше случилась великая непріятность. Сановнаго старца онъ обвинилъ въ томъ, что тотъ неправильно положить на карту короля, а надо бы туза. Сановникъ не дослышалъ и спросилъ: «какъ вы говорите?»—Арсеній снова сказалъ ему, что слѣдовало бы положить туза. На бѣду играла гдѣ-то близко музыка, и сановникъ опять не разслышалъ Арсенія и снова спросилъ его: «не слышу... какъ?»—Тогда Арсеній поднялся, нагнулся къ старцу и прямо въ ухо гаркнулъ ему: «ту... за».—И вдругъ лопнула барабанная перепонка у сановнаго старца, и онъ почувствовалъ въ ухѣ страшную боль.

Сильно будто разгнѣвался государь императоръ, узнавши объ этомъ предерзостномъ событіи, а самъ Арсеній ждалъ себя чуть не смертнаго приговора. Однакоже его величество по своей добротѣ и на сей разъ пожалѣлъ своего протодіакона, ибо любилъ его, и лишь чрезъ министра своего двора повелѣлъ сдѣлать ему внушеніе и предупрежденіе.

Когда Арсеній узналъ объ этой великой къ себѣ милости царя, онъ много плакалъ раскаянными слезами. Онъ далъ зарокъ не употреблять болѣе пагубнаго зелья и оставить всѣ увлеченія свои. И дѣйствительно, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ жилъ, какъ истинный монахъ, почти разобшившись съ міромъ.

Но пагубная страсть уже заразила своимъ ядомъ организмъ его и скоро опять овладѣла его волей...

Былъ высокаторжественный день тезоименитства ея величества государыни императрицы Александры Θεодоровны. Въ этотъ день было назначено въ какомъ-то главномъ петербургскомъ соборѣ митрополичье служеніе въ присутствіи государя императора, августѣйшей именинницы, великихъ князей и княгинь, всѣхъ министровъ и разныхъ сановныхъ вельможъ.

Наканунѣ этого дня отецъ Арсеній не сдержался и на утро чувствовалъ себя не по себѣ. Поэтому и въ служеніи литургіи съ митрополитомъ въ присутствіи ихъ величествъ онъ и голосомъ своимъ, осанкой и вообще движеніями уже не произвелъ того великолѣпнаго, чарующаго, захватывающаго и восторженнаго впечатлѣнія, какое производилъ прежде на всѣхъ. Онъ и самъ сознавалъ это, по въ то же время и понималъ, что совершается великое событіе, когда такъ или иначе можетъ рѣшиться и его собственная судьба. Поэтому все упованіе свое онъ возложилъ на молебное многолѣтіе, которымъ и надѣялся возстановить себя и свою репутацію.

И вотъ этотъ моментъ насталъ...

Будь Арсеній спокоенъ, владѣй онъ попрежнему собой, будь увѣренъ въ себѣ, какъ прежде, когда онъ зналъ и понималъ, въ какую мѣру дать движеніе своему голосу, онъ и на сей разъ возглашеніемъ многолѣтія, несомнѣнно, возвеселилъ бы августѣйшую именинницу, обрадовалъ бы его величество, самого государя импе-

ратора, и этимъ укрѣпилъ и утвердилъ бы себя въ своемъ званіи и положеніи.

Но сейчасъ... онъ перешелъ границу...

Онъ неразумно далъ полную волю своему страшному басу и когда во многолѣтіи дошелъ до заключительнаго «лѣта», которое нужно было протянуть и онъ его тянулъ, то не только погасли ближайшія свѣчи въ соборѣ, не только содрогнулись все присутствовавшіе, но даже казалось, что потряслись и стѣны собора, а ея величеству государынѣ императрицѣ, отличавшейся неукрѣпкимъ здоровьемъ, слабымъ сложеніемъ, вообще нѣжностью натуры, сдѣлалось дурно, и она упала въ обморокъ...

Протодіаконъ всея Россіи отецъ Арсеній Тихомировъ былъ посланъ въ древній Новгородъ, въ какой-то монастырь, гдѣ отъ горя и скончался въ цвѣтущемъ еще возрастѣ. Пріѣхать въ Дубенки къ брату такъ ему и не пришлось...

Въ сообщенномъ преданіи, конечно, есть черты фантазій, но въ основѣ его—правда, историческій фактъ. Покойная моя матушка, Ольга Михайловна, дочь о. Михаила Александровича, племянница о. Арсенія, говаривала, что она помнитъ дядю своего Ивана Александровича, хотя и была совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Въ ея памяти остался образъ высокаго, черноволосаго красавца, съ сильнымъ и «толстымъ» голосомъ. У брата моей матушки, сына того же отца Михаила, священника І. М. Тихомирова, который упоминается въ настоящемъ разсказѣ подъ именемъ «Ваненки» (гл. II), и который и доселѣ здравствуетъ, хотя уже дряхлымъ старцемъ доживаетъ свои дни за штатомъ, до недавняго сравнительно времени хранились письма отца Арсенія, доставшіяся ему по наслѣдству отъ родителя, отца Михаила Александровича. Эти письма были будто и изъ Сергіевой лавры, и изъ Москвы, и изъ Петербурга. Они все время, по словамъ І. М., хранились въ его домѣ, въ с. Матушкинѣ, на чердакѣ, а потомъ, когда І. М. переводился въ другой приходъ, съ переездомъ его на новое мѣсто, затерялись, что было, кажется, въ 1899 г. Наконецъ лиловая шелковая ряса, присланная изъ Петербурга протодіакономъ Арсеніемъ братцу, нѣсколько разъ послѣ преображаемая, хранится въ Дубенкахъ и доселѣ. Моя мать въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда сама стала уже сельской матушкой въ Дубенкахъ, сшила изъ этой рясы себѣ какой-то капотъ, а послѣ, лѣтъ черезъ десять, изъ спорка платье. Это платье, сначала носившееся, а потомъ долгіе годы лежавшее безъ употребленія, наконецъ перешоротое и перекрашенное въ черный цвѣтъ, она отдала своей до-

чери, моей сестрѣ, А. Г—нѣ, которая, сама уже будучи дубенской матушкой, не могла уже изъ него сдѣлать никакого употребленія, такъ какъ шелковая матерія сѣклась и разрывалась. Въ отдѣльныхъ доскутахъ матерію эту, по моей просьбѣ, сестра не уничтожаетъ и сейчасъ. Представляется лишь страннымъ и возбуждаетъ недоумѣніе вопросъ: какимъ образомъ Иванъ Александровичъ Тихомировъ, воспріявшій монашество подъ именемъ Арсенія, жилъ въ Петербургѣ во дворцѣ, а не въ монастырѣ, какъ это требуется отъ монаха? Когда покойной матушкѣ возражали, что нельзя было ему, какъ монаху, поселиться во дворцѣ, она обыкновенно резонно отвѣчала: «Какъ ему было жить въ монастырѣ, когда онъ постоянно нуженъ былъ государю? Кому нельзя, а ему было все можно, что жъ, что онъ былъ монахъ! Да въ Питерѣ и монастырей-то почти нѣтъ»...

И. Г. Левковъ.

